

Марк Довлатов

Соблазн

Любовь втроем

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Марк Довлатов
Соблазн. Любовь втроем

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Довлатов М.

Соблазн. Любовь втроем / М. Довлатов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5321-0114-2

Что делать, если любовный тандем рискует превратиться в треугольник, если искушение накатывает горячей мучительной волной, сковывает твою волю, мешает жить, и ты не знаешь, как от него избавиться? Спросите у Майкла Дуридомова – он вам расскажет все как на духу. Для оформления обложки использована иллюстрация с сайта pixabay, автор Gerd Altmann. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0114-2

© Довлатов М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Амур де труа. Подвески королевы	6
Красный бархат, черный шелк	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сборник эротических рассказов

Амур де труа. Подвески королевы

Михаил в десятый раз проверил телефон – сообщений не было. На душе было смутно, какой-то червяк елозил внутри. Вчера они с Белкой были на дне рождения Тимки Лиходелова. И выпили немного, и вернулись не поздно. *Че ж так паскудно, а.* После застолья устроили, как водится, скачки – скакали долго и буйно, от души, потом подустали и завели старую рок-балладу – «Still Loving You» Scorpions. Его пригласила танцевать Дашка, Тимкина подружка, обняла за шею и прижалась к нему всем телом. Через ее плечо Михаил поймал взгляд Белки. *Но я же не виноват, она сама. Да и не было ничего. Или было. В штанах-то у тебя точно было. Ну, в здоровом теле... что ж поделаешь.* Возвращались они молча, и дома он сразу ушел на кухню, долго курил и сёрфил по инету в своем ноутбуке. Через час он улегся на диван, Белка лежала на правом боку, спиной к нему, и усиленно делала вид, что спит. Ночью он часто просыпался и искал ее рукой – она была рядом, это его успокаивало, и он опять проваливался в тревожный сон. Утром проснулся он поздно, Белка уже ушла на работу. Больше всего хотелось помыться, и он долго тер себя мочалкой под душем, менял горячую воду на холодную и обратно, но ощущение какой-то липкости не покинуло его. Кофе и сигарета не улучшили его состояние духа, и он отправил Белке смску. Придумать ничего не смог и написал просто «Как дела». Ответа не было до сих пор, вот уже час. Звонить не хотелось, она могла быть занята с больными, а неотвеченный вызов добавил бы ему дискомфорта в груди. Он пробовал смотреть телевизор: новости его только разозлили, юмор весь был дубово-дебильным, и даже музыкальные каналы совсем не радовали. Он выключил телевизор, пошел на кухню и опять закурил. В кармане джинсов завибрировала мобилка, он судорожно ее достал, чуть не выронил и с радостью увидел портрет улыбающейся Белки с анимацией вызова.

– Алло! Привет, Бельчонок! Как дела, – все еще с опаской спросил он трубку.

– Привет, Мишка! У нас тут такие дела!

Слава богу! У них – значит, не у нас. Может, пронесло.

– А что за дела? Умер кто?

– Да типун тебе на язык!

– А че тогда? Проверка Минздрава напала?

– Да нет! Не перебивай, дай сказать!

– Ну говори уже.

– У меня завотделением есть, Анна Сергевна, помнишь?

– Не помню. И что с ней. Хвост тебе накрутила?

– Да наоборот все! Представляешь, утром меня вызывает, и вижу, она вся какая-то... вздрюченная... нервная то есть, места себе не находит и все так на меня поглядывает, но не говорит ничего.

– А ты что.

– А я тогда ее и спрашиваю: Анна Сергевна, у Вас случилось что, на Вас лица нет.

– А она.

– А она так мнетса, видно, что сомневается – говорить или нет.

– И долго она сомневалась?

– Ну не знаю, Мишка, я на часы не смотрела. Короче, потынялась она по кабинету из угла в угол и говорит: я думаю, Вы, Бэла, скромная, порядочная девушка...

– Это она про тебя?

– Ну конечно, про меня, Дуридом ты стоеросовый, там больше никого и не было!

– Ну а ты книксен сделала?

– Это еще что такое?

– Ну, реверанс.

- Мишка! Нет у меня времени совсем! А ты не даешь сказать!
- Да говори уже. Молчу.
- Ну вот она и рассказывает, что спешила сегодня на работу и забыла дома на столе телефон.
- Ну бывает – большое дело. И что с того?
- А то, что ей муж дозвонился на рабочий – он сегодня домой возвращается, из командировки, на день раньше.
- Ну и отлично – закинет ей телефон в больницу.
- Да ты не понимаешь ничего! У нее там – смски!
- У всех смски. Я тебе тоже сегодня писал.
- У всех – да не у всех! Ей вчера один... знакомый... такого понаписывал! А потом они вечером встречались. У нее. И он сегодня, наверно, опять понаписывал. А телефон на столе! А муж приходит...
- Понял. И случайно так глянул. Внутрь.
- Ну да!
- Так пусть съездит – заберет, и все дела. Муж же еще не приехал?
- Так в том-то и вся петрушка! Она ключи не может найти! А муж уже в обед дома будет!
- Не повезло твоей Манне Сигизмундовне.
- Да она Анна! Сергевна!
- Ну и ладно. Ты-то чего такая... взъерошенная.
- Да она ж моя начальница, Мишка! И женщина она хорошая. Надо ей помочь!
- Это как?
- Ну придумай что-нибудь! Срочно!
- Придумать? А где она живет?
- На площади Согласия, 17. Третий подъезд. Пятый этаж. 30-я квартира. Окна прямо на обелиск смотрят.
- Ого. Это на маршрутке почти час валандаться.
- Ну Мишутка! Ну сделай что-нибудь! Ну я прошу! Ты же все можешь! Когда захочешь.
- Дверь выломать?
- Не, ну это нельзя. Надо как-нибудь по-другому. Но времени совсем нет!
- Ладно, я попробую.
- Ну постарайся! Она ж моя начальница! Да и жалко ее.
- Ну хорошо, хорошо. Я позвоню.
- Я буду ждать! Но у тебя полчаса всего!
- А ты меня любишь?
- Ну конечно!
- Тогда все.
- Тогда все хорошо. Но что же делать. Времени в обрез. Надо Тимке звонить.* Он набрал номер Тимура.
- Привет, Тимка. Ты как? Встал уже?
- Привет, брат. Нормально. А ты?
- Да и я.
- А ты не хочешь пивчиком полирнуться?
- погоди, Тимка. Мне нужно, чтоб ты мне помог. Срочно.
- А че там? Сам банку не можешь открыть?
- Да нет. Мне до площади Согласия надо минут за десять добраться.
- Нууу... это... сложновато будет.
- Да сам знаю! Надо очень!
- А зачем это?

- Да долго рассказывать! Заодно бы твоему коню копыта обновили. Поможешь?
- Да не вопрос. Надо, так надо. Выходи.
- Вот молоток! Бегу!

Михаил похлопал себя по карманам, почесал затылок, взял с собой швейцарский раскладной нож и побежал вниз. У подъезда он посмотрел на часы – было тридцать пять минут первого, он закурил и услышал мерный знакомый рокот – Тимур неделю назад купил «Harley-Davidson Low Rider». Он бросил сигарету, запрыгнул на заднее сиденье и ухватился за ремень на джинсах Тимки.

– Дуй!

Харлей рванул вперед так, будто кто-то нажал спусковой крючок, ветер засвистел в ушах Михаила, он ухватился за талию Тимура обеими руками. *Слава богу, что еще не обед.* Машин было мало, и Тимур умудрялся оставить красный свет у себя за спиной, проскакивая на желтый. Они минут за пять доехали до проспекта Мира – в конце его уже был виден обелиск Неизвестному солдату, установленный в центре площади Согласия. *Еще и раньше доедем.*

– Куда едем?

– Вот он, крайний дом. Заезжай во двор! Третий подъезд!

Тимур резко затормозил у третьего парадного, Михаила бросило вперед, он отстранился и спрыгнул с мотоцикла.

– Ну, ты, блин, ковбой, Тимка!

– Так зачем зверя брал! Зря, что ли.

Дом был пятиэтажный. Михаил заскочил в подъезд, ухватился за перила, придал себе ускорение и бросился наверх. На пятом этаже было две квартиры, 30-я была справа – металлическая дверь, отделанная под дерево, сверкнула блестящим дверным молотком. *Позвонить надо на всяк случ.* Никто не открыл, тогда он достал нож, раскрыл тонкое лезвие и вставил в замок – тот немного провернулся, но не поддался. Не поддался он напору и других лезвий. *Черт, ну ясно же было, что не откроется, это ж тебе не хрущоба старая. Что ж его делать, блин. Надо с улицы посмотреть.*

На улице он запрыгнул в седло.

– Давай вокруг дома.

– А че ты хочешь-то?

– Да в хату надо попасть, к телке одной. А дверь не открывается.

– Так пусть она тебе изнутри и откроет. А че за телка-то? Клёвая?

– Да это Белкина начальница. На работе она.

– А тебе какого хера там надо? Если ее там нет?

– Да мобилку она забыла. Муж щас вернется.

– И че? Звонить будет?

– Прочитает!

– А есть что?

– Да уж наверно есть, если мы с тобой сюда прискакали, как... два, блин, гребаных мушкетера на Росинанте! Стой уже!

Так, вот он, торец. Балкон. Ага, пожарная лестница. Далеко, сука. Да что ж делать. Надо лезть.

– Я полез.

– Мишка! Ты ебан*лся, или только собираешься?!

– Только собираюсь. Поймаешь меня, если что.

– Да я тебе, в жопу, что – голкипер – ловить тебя!

– Надо, Тимка. Белка просила. Очень.

– Ну, так бы и сказал. Ты, это... береги там себя, брат. Ни пуха.

– Ладно. К черту.

Михаил подпрыгнул, ухватился за нижнюю перекладину лестницы, подтянулся и полез наверх. У пятого балкона он посмотрел на площадь, на обелиск, – до края балкона был примерно метр. *Не дотянуться. Надо прыгать. Могила, если что, рядом.* Он выдохнул, оттолкнулся и прыгнул, вытянув вперед руки, ухватился ладонями за перила балкона, ноги по инерции ушли дальше, в живот врезался выступающий ящик с цветами. *Ух, ёпт! Давай, Майкл! Ррраз! Уф, все. Лежим пять секунд. Все, встаем. Ну твою ж маму! Ну конечно, дверь закрыта! Стекло бить нельзя. И назад теперь как?!* Он поднял голову – балконная форточка была слегка приоткрыта. *Ага, щас мы вас хакнем! Плечи пролезут? Пролезут. Поехали.*

Михаил с трудом протиснулся в узкую форточку головой вперед, опустил руки и нырнул, сделав кульбит. Он оказался на полу, на спине, в голове пульсировала боль. Он открыл глаза: над ним нависал край круглого стола, на котором стояла бутылка из-под шампанского и два пузатых хрустальных фужера по бокам. *На что-то это мне похоже. Хрусталь фиолетовый. Чешский. Нехило.* Он повертел головой: елочка дубового паркета была покрыта пушистым ковром, у стены стоял дубовый же буфет с немецкими сервизами «мадонна». *И столовый, и чайно-кофейный.* У другой стены – тумба с часами и хрустальной вазой: ярко-красные розы были еще свежи. Он с трудом встал, согнулся вперед до пола, подвигал руками, *все цело,* и посмотрел на стол: бронзовый канделябр с тремя оплывшими свечами, большая коробка конфет «ассорти», ваза с апельсинами и рядом – Samsung G925F Galaxy S6 Edge в чехле под черепахой с золотыми арабесками и двумя висюльками со стразами внизу. *Вот она, королевская цацка. 128 гигов. Кино можно записывать.* Профессиональная оценка гаджета появилась в голове сама собой. *Не у нас купила, я бы запомнил.* Он взял смартфон – пароля на скринсейвере не было. Ого – 12 сообщений, 8 пропущенных вызовов. *Есть там что-то наверно, чтобы понервничать.* Он сунул телефон в карман и посмотрел на часы – 12:50. *Обед скоро. Боже, это ж щас муж припрется!* Без всякой мысли он схватил пустую бутылку и фужеры, вынес их на кухню и спрятал в шкафчик, вернулся в холл и повертел замок входной двери – тот пружинисто открылся. Слева от двери висело зеркало в золоченой раме, под ним на тумбочке лежала связка ключей. *Да, чем-то была занята голова у нашей докторши сегодня. Или не головой она думала совсем.* Он схватил ключи, спрятал в карман джинсов, вышел, захлопнул дверь – английский замок исправно щелкнул. *Ну, все. Еще и покурить время есть.* Он неспешно закурил, глубоко затянулся, замер, выдал в потолок череду колец из дыма и двинулся вниз. Голова была абсолютно пуста, левая рука достала Galaxy в черепаховом чехле, большой палец заходил по экрану. *Так, video03-08-15-01, video03-08-15-02, video03-08-15-03. Вчерашние. Кино, значит. Про брудершафт. Ну-ну.* Правая рука достала его собственный Samsung. *Клик-клак, найти блютуз-устройства, соединить, передать. Хорошие машинки. Столько всего туда напихать можно.*

Михаил вышел из подъезда и подошел к харлею.

– Ну че там, брат?

– Все путем. Поехали.

– Ну ты циркач! Садись. Куда теперь?

– Подкинь меня к больнице – отдать надо.

– А че там пишут? Читал?

– Да на хрен оно мне. Пусть себе тешатся, Бэкингемы. Я свое дело сделал. Поехали.

– Ладно. Держись.

Харлей рыкнул как голодный лев и рванул вперед. На повороте от дома они разминулись с подъезжающим такси. Михаил достал свой телефон и набрал номер Белки.

– Ну что?! Где ты? Уже час!

– Уже еду к тебе.

– Достал?!

– Для тебя – хоть луну с неба, Бельчонок. Но шею чуть не свернул.

- Ну ты у меня прям герой, Мишка! Спасибо! С меня бонус!
- Какой?
- Какой хочешь! Массаж тебе сделаю! Шеи.
- Не, Белка, этого мало.
- А что ты хочешь?
- Не меньше, чем ночь африканской страсти. С танцем живота. На балконе.
- Ладно! Будет тебе ночь живота! Побежала к Анне Сергевне! Целую!
- Куда?
- Туда!

Михаил выставил голову из-за плеча Тимура, подставил лицо ветру, не хотелось ни о чем думать, утренняя мряка в душе рассеялась, было легко и радостно. *Хорошая она у тебя, а, Майкл. Хорошая. Не то слово. Самая лучшая. А готовит как! Котлеты с вермишелью. Горчицей так намажешь... А есть же как охота!*

Мотоцикл заехал на стоянку перед райбольницей, Тимур заглушил мотор.

- Я твой должник, Тимка.
- Да уж – упаковка с тебя.
- Carlsberg?
- Пойдет.

Они хлопнули в воздухе ладонью об ладонь, Тимур подмигнул и уехал. Михаил поднялся по ступеням, миновал холл с регистратурой и на втором этаже зашел в сестринскую – Белка была одна. Она бросилась к нему, обняла за шею, поцеловала в губы и отстранилась.

- Привез?!
- Ну я же сказал. Даже ключи привез.
- Правда?! Ну пошли скорей! Анна Сергевна извелась вся!
- Да отдай сама. Я-то тебе зачем.
- Ну ты что! Пойдем! Ты ж ее спас! Пошли.
- Ну пошли. А то лучше бы мы с тобой тут...
- Ну Мииишка! Ну потом! Идем.
- Ладно. Идем.

Они вышли в коридор, дошли до кабинета с надписью «Заведующая терапевтическим отделением», Белка постучала, взяла Михаила под руку, и они вошли.

– Вот, Анна Сергевна. Миша мой. Он привез! И ключи нашел! Ваши.

Михаил почему-то ожидал увидеть круглолицую растрепанную тетку. Из-за стола поднялась плотная женщина лет сорока: длинные волосы цвета воронова крыла чуть вились, окаймляя овал лица, и густыми волнами спадали на белый халат, солнце из окна слегка просвечивало его, и было видно, что под ним ничего нет, кроме кружевного белья; вырез на груди был не треугольный, а полукруглый и почти наполовину открывал внушительный бюст – в ложбинку его опускался золотой крестик с темными, почти черными гранатами. Анна Сергеевна двинулась им навстречу, лицо ее было совершенно спокойно, ни следа тревоги не осталось на нем, в ушах мерно покачивались длинные серьги; темно-синими глазами она смотрела прямо на Михаила.

– Здравствуйте, Мишель. Вы мой спаситель сегодня. Но как Вам это удалось? Так быстро. Рассказывайте.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. Тимка на харлее подбросил. За десять минут всего. Потом лестница. Форточка на балконе была открыта. Ничего сложного. А ключи Вы на тумбочке забыли, у двери. А телефон – на столе. Держите. Вот и все кино.

Михаил оторвался от Белки, двинулся вперед, вынул из карманов телефон и ключи и протянул их Анне Сергеевне; она подняла вверх руки и обняла снизу своими ладонями его ладони и слегка сжала их, глядя ему в глаза.

- Я Вам так благодарна! Не всякий бы на такое пошел.

– Не стоит благодарности, мадам, – последнее слово взялось неизвестно откуда и само слетело с языка; он слегка наклонился вперед в подобии поклона, как будто хотел поцеловать женщине руку. Пряный шанельный запах от ее груди ударил ему в нос, крестик призывно поблескивал и указывал на расщелину, он не мог оторвать взгляд от роскошной плоти – она бесстыдно звала его и обещала райское наслаждение, притягивала к себе как магнит, *размер пятый, что ли, или даже больше*, – меня же Белка попросила. Я бы для нее и не такое сделал.

Женщина отпустила, наконец, ладони Михаила, оставив в своих телефон и ключи, двинула быстро большим пальцем по экрану, глянула и спрятала Galaxy в карман халата.

– Так Вы Бэлу Белкой называете?

– Ну да.

– Как мило. А меня бы Вы как назвали?

– Пантерой. Царя Соломона. Извините. Вырвалось. Нечаянно.

– Да ничего. А у Соломона была пантера?

– У Соломона была царица Савская.

– Интересный у Вас ход мыслей, юноша. Повезло Вам, Бэла, – хороший у Вас... друг.

– Дааа, он у меня такой хороший! Только ему нельзя это часто говорить!

– Вы говорите, Бэла, говорите. А то другие скажут.

– Хорошо, Анна Сергеевна! Так мы пойдем уже?

– Конечно, конечно. Спасибо Вам огромное еще раз, Михаил! Заходите, если что. Я у Вас в долгу. Может хворь какая приключится, не дай бог. У Вас ничего не болит, надеюсь?

– Нет, я здоров как конь. Шею вот только о подоконник ударил. Когда в форточку нырял.

– Да что Вы говорите! У меня дома? Это моя вина!

– Да пустяки, пройдет.

– Нет, я не могу этого допустить. Дайте, я посмотрю. Руками. Говорят, они у меня волшебные, – Анна Сергеевна улыбнулась и опять приблизилась к Михаилу, подняла руки и завела их ему за уши, прошла пальцами по затылку, позвонкам и основанию шеи; грудь ее уперлась в его футболку как таран в ворота осажденного города, бедра коснулись джинсов, пуговица халата ткнулась в ширинку, ноздри его наполнились ее запахом, уши Михаила покраснели. *Ну, блин, сиськи у тебя точно волшебные, MILFушечка ты Савская.*

– Ничего страшного нет. Все на месте. Можно ему на ночь компресс поставить. Сможете, Бэла?

– Да уж я ему поставлю! Компресс! Куда надо! Не сомневайтесь! Я это умею!

– Ну и отлично. Заходите к нам, Миша. Буду рада Вас видеть.

– Ладно. До свиданья тогда. Пошли, Белка.

Они вернулись в сестринскую, Белка закрыла дверь и всем телом прижалась к ней Михаила, правая рука ее скользнула вниз, нащупала ширинку и сжала изо всех сил.

– Ну ты что, Белка! Раздавишь к черту! Пусти!

– Я тебе щас пушу! Ты на какое это свиданье ее уже пригласил, подлец?!

– Ты что, сдурела?! Просто до свиданья сказал.

– Просто, говоришь?!

– Ну да.

– Да я видела, как она тебя щупала!

– Так она ж врач! Это ее работа! Пусти, больно!

– Работа?! А чего он у тебя торчит до сих пор?!

– Ну ты ж его... приласкала. Вот он и...

– Не ври мне! И вчера на Дашку торчал! Нет?!

– Белка, ну это у него работа такая! Я тут при чем?

– Ах ты, сукин кот! Работа у него! А мозги включить?

– Ну какие у него мозги, Белка? Нету.

- Так а я о чем?! Кобелино ты мухосранский!
 - Ну Бельчонок, ну ты что, я ж только тебя люблю! Правда!
 - Правда?!
 - Ну что б я сдох!
 - Ладно уж. Поживите еще пока. До следующего раза, – девушка отодвинулась, развернулась, дошла до диванчика, упала на него, подняла ногу на ногу и сложила руки на груди.
 - Ну вот, наградила, называется. За подвиг.
 - Я уже вас наградио! Вот приду домой, доберусь до сковородки – и награждю! По полной программе! Обоих!
 - Ну Белка! Ну перестань.
 - А мадам ты ее зачем назвал?!
 - Не знаю. Вырвалось случайно. И ты так хочешь? Так ты ж не мадам – ты ма-де-му-а-зель. Буду так тебя звать.
 - Ма? Му? Не, не хочу!
 - Ну Бельчонок, ну не злись.
 - Как это мне не злиться, если злость из меня так и бьет!
 - Да я заметил, что бьет! А разобьет их, что ты потом будешь делать? Яичницу-болтанку?
- Омлет?
- Ну ты болтун такой у меня, Мишка!
 - Какой такой.
 - Любимый. Иди сюда. Посидим. Да не трогай меня! Просто обними. Нууу... не подлизывайся!
 - Ладно. Не буду.
 - Нет уж! Давай подлизывайся дальше! Я еще не совсем добрая.
- Михаил обнял девушку за плечи, погладил носом по шее, куснул за мочку уха и двинул руку по ее бедру вверх, под халат.
- Ну Мишка! Хватит уже! А то Анна Сергевна заглянет, а мы тут...
 - Да она поймет.
 - Да уж, поймет. Кто бы сомневался! стыдно же!
 - Давай дверь закроем.
 - Не, Мишка, ну нельзя. Я ж на работе.
 - Ладно. Пойду тогда. До свиданья.
 - Ну я тебе дам щас свиданье! Палучишь!
 - Ну не злись, маленькая.
 - Да я и не злюсь уже.
 - Ты же знаешь, что мы только тебя любим.
 - И он?
 - И он. Точно тебе говорю.
 - Точно?
 - Стопудово.
 - Ну идите тогда сюда, к двери. Быстренько. Пока нет никого.
- Михаил встал, подошел к двери и прислонился к ней спиной.
- А ключ?
 - Да я не буду ничего делать, губу не раскатывай. Поцелую его просто. Разочек. Хочешь?
 - Ну я так хочу, Белка, что лопну сейчас! Ну давай. Ох и классно ты это делаешь! Еще.
- Еще немножко...
- Неет уж! Хватит с вас!
 - Ну Белка!
 - Сказала – нет! Идите домой, вы наказаны. И еды купите. Я вечером буду голодная.

– Да я и сейчас уже... съел бы тебя всю!
– А ты помучайся! От голода. До вечера.
– Ну вот, так всегда. Придешь домой и найдешь наш хладный труп. Два.
– Ничего! Я вас быстренько реанимирую! У меня это в прошлом семестре было! Я на пятерку сдала!

– Ну ладно. Дай губы. Мы ушли.
– Мишка! Это попа, а не губы! Пусти! Идите уже!
– Пока, Бельчонок.
– Пока.

Михаил спустился по ступенькам больницы, на ходу закурил и со вздохом выдохнул дым.
Ну все. Пронесло. Почти. Отделался легким испугом. С угрозой членовредительства.

В маршрутке он достал телефон, воткнул в уши наушники и нашел старый французский сборник «Paris, Mon Amour». Вышел он на одну остановку раньше, зашел в универсам, нагреб в тележку разных фруктов, какие попались под руку, водрузил сверху ананас, взял самую большую коробку «ассорти» Липецкой кондитерской фабрики и торт с толстым слоем белого крема сверху. *Гадко во рту как. Сладкого чего-то хочется. Дольче вита.* Дома на кухне он разложил все по полочкам в холодильнике, покурил и решил сходить в душ. *Устали мы что-то с тобой, Майкл, от этих приключений. Надо отдохнуть.*

К пяти часам Михаил нагрел чайник, разложил фрукты на блюде, достал конфеты и поставил торт в центр стола. Белка пришла в полшестого.

– Прости меня, Бельчонок.
– За что опять?!

– Такая я скотина.
– Да я сама знаю! Говори уже!
– Лень напала ужасная и усталость. Будто я три дня на лошади скакал без остановок. Провалился на диване – ничего на ужин не приготовил. Может, чаю попьем?

– А батон есть?
– Был, кажется. И масло есть.
– Ну и ладно. Я-то думала. Попьем чаю. С вареньем. Потом кино посмотрим. Наливай пока – я руки вымою.

– Ну давай. Я на кухне.
Михаил разлил чай по кружкам.

– Мииишка!
– Что, Бельчонок?
– Ну какой ты у меня хороший! Подлец, правда. Но хороший.
– Хочешь сладкого?
– Конечно! Как ты догадался? Наедемся щас!
– Ну садись, маленькая. Я тебя буду кормить.

Они валялись на диване и смотрели телевизор. Белка мотала туда-сюда ногами, согнутыми в коленях, и сквозь этот маятник Михаил смотрел древний французский фильм, который видел уже сто раз. Жерар Баррэ прыгал в повозку с сеном с высоченной стены, дрался на шпагах с гвардейцами кардинала, а Милен Демонжо пыталась его то соблазнить, то убить. Анна Австрийская была высокомерно хороша, Ришелье – умен и коварен, а четверо друзей дружно пили в трактире анжуйское, бургундское, шампанское и ели мясо, разрезая его кинжалами, потом опять скакали на лошадях, отстреливались от погони – впереди у них был Париж, Лувр и их королева.

– Красиво они там жили, а, Мишка, скажи.
– Красиво.

- А она красивая?
 - Милен Демонжо? Конечно. Роскошная женщина. Глаза какие.
 - Не морочь голову, Мишка. Я не про нее говорю.
 - А про кого?
 - Про Анну Сергевну.
 - Та ты что – тетка толстая. Я думал, ты про Миледи.
 - Ну не ври мне, Мишка. Я же видела, как ты на нее смотрел. В вырез халата.
 - Нууу... сочная женщина.
 - А ты бы ее... ты бы с ней... хотел бы? Признайся.
 - Да ты что! Никада!
 - Вот брихун ты, Мишка! А ну говори правду, а то откручу сейчас! К чертовой матери!
 - Ну Белка! Ну сильно очень! Больно!
 - Говори! Правду! Я всегда чувствую, когда ты врешь!
 - Да когда это я тебе врал?!
 - Вот и говори! Быстро!
 - Нууу...
 - Ну давай!
 - Не буду.
 - Ну Мишка, ну давай. Не буду откручивать, говори. Мне интересно просто.
 - Нууу... я бы ей руку под халат засунул. Ради интереса просто.
- Белка вскочила, оседлала Михаила, вцепилась ему в горло и сжала пальцы – он выпучил

глаза.

- Ах ты подлец дуридомский! Я так и знала!
 - Пееелка! Апусти! Сатушишь!
 - И задущу тебя! Скотина кобелинская!
 - Белка... умираю... Все... умер... прощай.
 - Да тебя не добьешь еще!
 - Ну чего ты, в самом деле! Сама же спросила. Правду.
 - Дурак ты какой, Мишка!
 - Ну я пошутил, Бельчонок! Пусти.
 - Ей же лет сорок уже! Она же меня вдвое старше!
 - Ну и что. И тебе будет когда-нибудь. Лет сорок.
 - Точно. И ты думаешь, мы еще будем этим заниматься?
 - А почему нет.
 - Я как-то не подумала. А она этим занимается, как ты думаешь.
 - Думаю, да.
 - Как мы?
 - В смысле?
 - Нууу... со всякими такими штучками-дрючками. Или просто под одеялом.
 - Не знаю. У каждого свое кино. Кино они, кстати, вчера записывали.
 - Какое кино?! Откуда ты знаешь?! А ну говори!
- Вот, блин, опять попал. Ну что за день.*
- Ну понимаешь... я когда выходил... от нее... с телефоном...
 - Так ты смотрел!!!
 - Ну что ты, Бельчонок! Как можно! Это же неприлично!
 - А откуда же ты знаешь – про кино?! Если не смотрел? Быстро говори! А то я из тебя всю душу вытрясу!
 - Да я просто хотел попробовать, как ее шестерка с моей пятеркой законтачит. По блю-тузу.

- Ах, ее шестерка!!! И как – законтачила?! С пятеркой?
- На раз. Чик – и готово.
- И что?!
- Ну и ничего. Просто видел, что у нее три видеофайла со вчерашними датами.
- И не смотрел?! Не ври мне!
- Да клянусь! Щас удалю, и все.
- Как это – удалишь? Откуда?
- Из своей пятерки.
- Так ты скачал?! Ее видео?! И молчишь?!
- Да я и забыл совсем.
- Вот брихун! Ночью на кухне смотреть собрался!
- Да куда я не собрался! Вот при тебе и удалю.
- Давай! Чтоб я видела.
- Да пожалуйста. Вот они. Помечаем. «Удалить».
- Стой!
- Ну что еще?
- Мишка.
- Что.
- Ты точно не смотрел?
- Ну сказал же. Клянусь. Здоровьем. Твоим. Если вру – можешь его... никогда больше не... Можешь даже открутить. Все.
- Ладно. Верю.
- Ну, слава богу!
- А признайся.
- Ну что еще?
- А хотел посмотреть?
- Бельчонок, да я и забыл про них. Думал, чего бы тебе сладкого купить.
- Ну ты и подлиза, Мишка!
- Ну тебе ж понравилось?
- Вкуснотища!
- Так что – стираем?
- Ну погоди.
- Чего годить-то? Если не смотреть?
- Мне... посмотреть хочется. Одним глазком только. Что там в сорок лет еще бывает.
- Надо ж силы рассчитать. На двадцать лет вперед. Вдруг не хватит.
- Ну так давай посмотрим.
- Ты что! Стыдно! Нельзя так. Как я потом на нее смотреть на работе буду!
- Да ерунда. Может, там и нет ничего такого.
- А если есть? Если они это самое делают.
- Ну, представишь, что это просто порноролик. Из инета.
- Ты думаешь?
- Ну да.
- Так что делать?
- Да давай глянем да и сотрем. По-быстрому.
- Глянем?! Это ты будешь смотреть, как мою начальницу... голую... тарабанят... а она своими сиськами трясет... которыми к тебе прижималась?! Да я тебя лучше сразу убью!
- Ну что ты, Бельчонок! Ты же сама меня попросила. Ей помочь. А потом сама меня к ней привела. Кто она мне. Так, Моника Беллуччи районного масштаба.
- Правда?!

- Ну конечно! Так что? Глянем да и забудем.
- А если совесть потом заест?
- Так мы ее накормим. Тортиком.
- Вот за что я тебя люблю – никогда за словом в карман не лезешь.
- Не, Белка. В карман – это ты лучше залезь. Двумя руками.
- Палучите вы у меня! Оба! Ладно. Давай по-быстрому. Включай.

Михаил взял свой телефон и хотел включить воспроизведение, но передумал – открыл проводник и по сети бросил файлы на жесткий диск медиаплеера, взял пульт и нажал «Play». На сорока двух дюймах возникла комната, в которой он сегодня был – верхний свет не горел, свечи на столе извивались пламенем язычков, будто хотели получше рассмотреть, что делается у стола. У стола стояла на коленях женщина, одетая только в ожерелье из стразов: пламя свечей преломлялось в них и превращалось в яркие блики на ее смуглой коже; она легонько улыбалась и поддерживала ладонями роскошные груди, слегка покачивая ими и подбрасывая вверх.

- Мишка! Да это же Анна Сергевна! Голая вся! Ужас какой!
- А ты кого хотела увидеть – Анну Австрийскую? В горностаевой мантии и короне?
- Ну как же она так может?! На весь экран! Свои сиськи!
- Да их можно и еще увеличить. Вот. Подвески у нее – что надо! В 3D бы снять – сюда бы достали.
- Вот дурак! Выключи!
- Ладно. Стираем уже?
- погоди. А чего это она на коленях стоит?
- Молится, может, а? Свечи. Часовня. Щас кардинал придет. Давай посмотрим?
- Ну давай. Только ты не увеличивай!

Слева в кадре появилось мужское достоинство оператора, женщина придвинулась, взяла его правой рукой и похлопала им по своей щеке, потом высунула язык и подняла глаза вверх; язык змеиным жалом походил вокруг головки, ужалил ее и спрятался; за дело взялись губы, потом зубы и опять губы.

- Боже, Мишка! Что она делает!!!
- А что? Ты разве так не делала?
- Так она ж солидная женщина! Завотделением! Райбольницы!
- И что?
- Так ее ж в кино снимают! А она сосет как...
- Белка. Их же только двое. И они делают, что хотят. Что им приятно. Что нравится. Это нормально. Разве нет?
- Ну да, наверно. Я прям не знаю, Мишка, что и думать.
- А ты и не думай. Ты вон мокрая уже. От мыслей.
- Ну не трогай! А то не досмотрю! Как ты думаешь – они в лошадки тоже там играют, как мы?

– Во втором файле, может.

Камера смартфона дрожала в отставленной вбок руке: груди женщины колыхались, спина блестела и опускалась вниз, соски терлись о ворс ковра, пальцы левой руки раскрывали губы; камера перемещалась по спине вниз, открывая взору две круглые упругие подушки гарема, на которые хотелось прилечь и забыться сладким сном. *Ну давай, Люмьер, влупи ей ладошкой хорошенько!*

- Мишка! Да у нее же видно все! Вот бесстыдница! Ну никогда б не подумала!
- Ну Белка, она же доктор. Просто анатомия. Женская.
- Да это не анатомия, а голая задница! Я хоть медсестра, а ты и не доктор даже! Не смотри! Закрой глаза!

– Так я же сегодня в больнице был – я пациент, она доктор, ты – медсестра: амур де труа, да и только!

– Это еще что такое?!

Господи, Майкл, ну когда ты уже засунешь свой язык в...

– Это такой технический термин, Бельчонок.

– А что он означает?

– Он означается, что я соскучился по твоей попке.

– Ну не ври, брихун ты такой! И убери руку оттуда! Еще третий файл!

В третьем файле телефон держала женщина, камера была направлена сквозь расщелину в холмах груди вниз: бедра ее были широко расставлены, между ними двигалась макушка партнера.

– Мишка! Да она не стриженная даже! И сама себя снимает!

– И зачем это красоту стричь? Ты вот тоже пушистая. Белка.

– Ну не говори так! Развратники вы оба!

На экране телевизора прямо в камеру поднялся мужской корпус, пристроил свою главную часть меж грудей, сжал их по бокам и задвигал ею; это плавное движение перешло в резкие толчки и закончилось в опаловой лужице на смуглой коже – экран потух.

– Боже... я думала... это только мы с тобой... такие...

– Ты разочарована?

– Я обалдела совсем, Мишка. От такого.

– Ты разве раньше такого не видела? В кино?

– Так то ж актеры! В Америке! А это Анна Сергевна! Тут!

– Так и ты тоже тут, Бельчонок. Расслабься. Все нормально.

– Да как я могу расслабиться, Дуридом ты совсем!

– Ну давай я.

– Так же?

– Если хочешь.

– Не, ну конечно хочу. Будто ты не знаешь. Теперь даже и не так стыдно будет.

– Ну вот, хоть какая польза.

– Ну конечно, хоть какая! А чего это он у тебя опять торчит, как водонапорная башня?

– Первого файла хочет, Бельчонок.

– С ней?!

– Вот ты дурында какая у меня! Давай уже поработай – с обеда ждем!

– Ну ничего, подождите еще. Я сильнее хочу. Давай с третьего начнем.

– Файла?

– Слушай, Мишка.

– Что.

– Да нет, это я так.

– Говори уже.

– Нууу.. может я... как она... пока ты там...

– Язычком поработаешь?

– Да нет! Третий файл!

– Как она? Ты хочешь... кино снять?

– Ну не спрашивай! Уйду щас совсем! Сам догадайся!

– Своим телефоном?

– Ну да.

– Анне Сергеевне показать?

– Вот дурак! Ну совсем Дуридом!

– А зачем?

- Нууу... не знаю. Захотелось просто. Сама не знаю, почему. Могу я захотеть что-нибудь?
- Ты можешь захотеть все, что угодно, Бельчонок.
- Правда? Так ты согласен?
- Ладно. А потом я?
- А вдруг ты телефон потеряешь?
- Да у меня три пароля и блокировка через сеть.
- Нууу...
- Не ну, а да.
- Ну, да, да! Ладно! Но только ты пееервый!
- Договорились.
- Правда? Ты согласен... быть... у меня в телефоне... там...
- Да мне только приятно будет. Может, вспомнишь когда-нибудь, согласишься.
- И ты не боишься, что я кому-нибудь покажу?
- Белка.
- Что.
- Мы же верим друг другу. Нет?
- Ну да.
- Давай договоримся: это только для нас двоих. Навсегда. И можем делать все, что хотим.

Идет?

- Ладно. Так я беру телефон?
- Погоди.
- Ты что – передумал уже?
- Нет. Помнишь, тебе сон снился?
- Какой?
- Про торт.
- Помню. Стыдный совсем.
- Давай твоего бельчонка тортиком накормим.
- И снимем?! Я?! И оставим?!
- Ну да. А потом ты. Крем со сливками будешь?
- Ну Мишка, ну это стыдно!
- Но вкусно.
- Нууу... вкусно.
- Так ты согласна?
- Нууу... ладно. Но только я первая!
- А попку намажем кремом?
- Ну убью тебя щас!!!
- Потом?
- Ну не приставай, Мишка! Много сладкого – вредно!
- Ладно. Растянем удовольствие.
- Нууу... посмотрим. Как ты себя будешь вести.
- Я буду героем! Хоть каждый день на балконы буду прыгать!
- Герой ты мой любимый. Не надо тебе по чужим балконам лазить. Иди уже за тортиком.
- Ладно. Раздвинь ножки пока. Я мигом.

Красный бархат, черный шелк

Михаил Дуридомов ощутил тепло сквозь закрытые веки, повернулся на правый бок и поелозил левой рукой рядом с собой, рука наткнулась на холодную простыню: место Бэлы пустовало; он резко развернулся, открыл глаза и посмотрел на дисплей спутникового ресивера. *Елки-палки, уже почти десять, Белка ушла давно, а ты дрыхнешь. А что-то тебя ждет может быть сегодня. Хорошее. А ты все проспидь так. Проснешься когда-нибудь в склепе. Один. Открыл глаза – одно черное вокруг. Бррр. Пошли уже кофе пить, Майкл. Ну пошли.* Он посмотрел на шторы: они горели красным теплым светом, луч солнца прорвался в просвет, разрезал темноту комнаты и проложил по пододеяльнику яркую полосу, окрашенную по краям в красноватые тона.

На кухне Михаил сыпанул жменю «Carte Noire» в жерло кофеварки, нажал кнопку и пошел чистить зубы. Вернувшись на кухню, он открыл крышку ноутбука, нажал Power, забрал у кофеварки бабушкину кружку и поднес ее к носу, сёрбнул, облизал пену, достал из пачки сигарету, провел ею под носом и закурил.

По выходным они с Бэлой завтракали вместе, она заливала кофе в кофейник недавно купленного сервиза, разливала по маленьким белым чашечкам с перламутровым отливом, брала свою и пила кофе, картинно отставляя мизинец. Ему нравился этот мизинец, нравилась Белка, командующая на кухне, и он подчинялся новому ритуалу, но, когда просыпался один, предпочитал пить кофе из старой бабушкиной кружки, вдыхая аромат французской арабики и выпуская через ноздри дым сигареты с вирджинским табаком.

Бэла жила с ним уже постоянно, не придумывая для домашних ночные дежурства в райбольнице, где она работала медсестрой. Она заставила сделать Михаила давно задуманный ремонт, поменяла шторы и взялась за мебель – первым был куплен диван, место, на котором они проводили большую часть времени, когда бывали дома вместе. В планах была покупка новой кухни с дубовыми фронт-панелями и разной кухонной техники и утвари. Михаил денег на все эти обновления не жалел, благо они появились, и ему доставляло удовольствие ходить с Белкой по магазинам, где она держала его под руку и громко обсуждала с ним разные товары. Ему нравилось ее стремление свить гнездо по своему вкусу, он не мешал ей, его радовало это ее «мы», «наш». Он мог иногда для виду покобениваться и вытребовать себе бонус на ночь. Она тогда ругала его Дуридомом, но соглашалась и выписывала чек с незаполненной графой «желание», которое он потом придумывал и воплощал в жизнь. Белка никогда не отказывалась от данного слова, разрешала ему почти все, но иногда с боем, и почти никогда сразу не признавалась, что ей это нравится – каждое такое признание нужно было вытягивать из нее силой. Полтора года совместной жизни не сделали их секс «супружеским долгом», он часто бывал ассоциативно-спонтанным; Михаил не перестал ощущать себя ковбоем, накинувшим лассо на шею молодой дикой кобылки, ему нравился ее буйный нрав, ее брыканья; он медленно подтягивал веревку, постепенно приучая девушку к новому, без насилия заставляя ее делать все так, как хотел он. Им было хорошо вместе.

Михаил допил кофе, загасил сигарету и кликнул на рабочем столе ноутбука ярлык Firefox: загрузилась его домашняя страница, сайт их с Тимкой интернет-магазина электронных гаджетов. Он ввел пароль и подмигнул старому пирату, появившемуся на заставке, тот сидел с бутылкой рома под пальмой на берегу голубой лагуны. В динамиках раздался шум волн и звяканье золотых монет, падающих в сундук рядом с пиратом. Слева в окошках крутились цифры – текущее состояние их счета. В магазине продавались не только обычные гаджеты, но и дешевые крэкнутые прошивки и программы к ним. И кое-что еще, в другом разделе.

Последние три месяца Михаил с Тимуром сделали ставку на «умные» часы – почти семьдесят процентов смартфонов покупались с ними. У них же продавалась и их собственная разработка – китайский аналог диска «Chronos» с электронной начинкой и сенсорным датчиком, который крепился к тыльной стороне любых часов, синхронизировался со смартфоном и передавал вибро-сигналы от звонков и сообщений. Но изюминка была в другом: в крэпнутую прошивку фирменных часов и свои диски они вшивали EmoRecPlayer – программу, позволяющую воспроизводить и записывать файлы *.*.erес. В этих файлах в электронный импульс были закодированы самые разные эмоции: удовольствие от утреннего кофе и контрастного душа, экстремальные ощущения на американских горках, тарзанках и парашютах, разные рилаксы. Эти файлы можно было скачать с их сайта по три доллара за штуку – они пользовались бешеной популярностью в Мухосранске и быстро распространялись дальше по просторам интернета; заказы на часы сыпались как из рога изобилия, колесики с цифрами слева от пирата крутились все быстрее. В последний месяц Михаил с Тимуром запустили в продажу новую группу файлов – в каждом был закодирован оргазм – мужской или женский; они продавались по десять долларов и расходились как горячие пирожки. Первые такие файлы Михаил записал сам с Белкой и использовал только для себя, он не мог этим делиться ни с кем, потом он нашел в инете несколько сайтов с такими пирожками, купил их и выставил у себя. В файлы записывались эмоции во время секса – у всех они разные, все хотят и делают что-то свое, нет двух похожих оргазмов. Свой фирменный продукт – прошивку к часам с EmoRecPlayer – он назвал Wish Watch и выстроил маркетинговую лестницу: сначала покайфуй в джакузи, попей пива в жару, покрутись на чертовом колесе, потом почувствуй прелесть чужого секса в море, потом заплати денежку, включи функцию записи и... *Ты же хочешь знать, Витек, что чувствует твоя девчонка в постели? Что ей нравится, что хочется, на что она согласна, а ты боишься ей предложить? Сто баксов, и золотой ключик у тебя в кармане, на руке то есть.* Возникли даже сайты-клубы свингеров по обмену своими оргазмами по сети, всем им нужны были Wish Watch, – пиастры в сундуке у пирата звенели все громче.

Михаила оторвал от созерцания завораживающей картины пиратского счастья зуммер.

Тимка.

- Привет, брат, как делишки.
- Включил статистику на нашем сайте. Смотрю сию, кофе пью.
- И че там статистика говорит.
- Говорит, что пора тебе своего харлея позолотить уже.
- Да че я – фуцик мухосранский. Мне и так клево. На выходных с Дашкой катнулись вот в «Лесные озера». Классно оттянулись. Баня там настоящая, русская.
- С вениками?
- Ну ясно – не со швабрами. Ты не хочешь? С Белкой.
- Да потом может. Занят сейчас.
- Бабки все считаешь?
- Да к черту их считать – трачу уже.
- Ну, так и надо – че их копить. А что купил.
- Да не я – Белка. Шторы купила. А я их до полночи вчера вешал.
- Чтoб не видел никто? Как вы там кувьркаетесь?
- Да кто меня на четвертом этаже увидит. Так, интерьер.
- А это че за хрень.
- Да вот прикинь: у нас теперь красные шторы с черными полосками и золотыми лилиями. Шелк. Закроешь – как в борделе. А диван наоборот – черный с красными узорами. Бархат, чтоб меня черт забрал. Сечешь?
- Ну так и клево. Это ж Дашка узнает – и мне придется покупать.
- Да уж как пить дать.

- Слышь, брат, мне тут мысль в голову пришла.
- Записал?
- Да поди ты. Я Дашунчика в бане записал.
- Трах?
- Не, веник.
- И че?
- Ну, можно на рынок выпустить.
- Веник.егес? Ты че, кофе не пил?
- Да пил! Ты послушай!
- Да ты ж молчишь.
- Говорю. Я сам его послушал и подумал: вот она реально тащилась, когда я ее по заднице веником лупасил.
- Нууу... очень даже может быть. Что тут странного.
- Да ничего странного – я не про то.
- А про что.
- Ты разве не встречался с таким, чтоб телки от боли тащились. Хотели этого. Кайф ловили.
- Да сколько угодно. 50 оттенков помнишь?
- Так вот я и говорю. В нашем ассортименте этого совсем нет.
- Так ты будешь первым – доминант с веником?
- Вот ты Дуридом, блин! Ниша не заполнена – БДСМщики всякие. Да и обычные телки. Они ж все от этого тащатся. Я тебе Дашку по почте сбросил – послушай да помозгуй.
- Так у нас уже будет группенсекс?
- Да это не секс! Это баня! Ты услышь главное: на рынке этого нет – никто еще не допер. Ты финансовый директор, ответственный за маркетинг, или хрен собачий?
- Да ладно, не гони. Понял. Послушаю веник твой. Хочешь – на сайт повешу. На пробу.
- Можешь и повесить. Он же анонимный. Но веник – только идея. Развить надо.
- Понял я идею. Пусть покрутится в голове.
- Ладно. Крути.

Михаил вернулся в комнату, убрал постель, сложил диван, плюхнулся на него, открыл в смартфоне почту, скачал файл, нажал «плей» и закрыл глаза. Стало жарко, пар наполнил ноздри, он ощутил кожей живота мокрые доски, по спине забегали мурашки от березовых листьев: веник медленно двигался от шеи вниз. Где-то внутри нарастало напряженное ожидание, возбуждение собралось в паху, душа замерла в верхней точке качели. Веник неожиданно поднялся и резко шлепнул по ягодицам, пах ёкнул, горячая волна залила грудную клетку, в мозгу пронеслось *ооох* и подумалось *еще*. «Еще» не заставило себя ждать – веник резко опустился на кожу, и тревога ожидания превращалась в ощущение боли, которое тут же переходило в удовольствие. Понять или объяснить этот механизм Михаил не мог – он его просто чувствовал всеми фибрами души, кровь прилила в причинное место, и он уже с трепетом желания ждал следующего удара. *Да она щас кончит! К черту!* Он нажал «стоп». *Не хватало еще и тебе кончить от Тимкиного веника. Да, но если файл выложить на сайт... надо же знать...* Он опять нажал «плей» и ощутил горящую кожу пониже спины и плавное нарастание щемящей сладости девичьего оргазма.

Михаил бросил телефон в бархат дивана, рванул на кухню и жадно закурил. *Она же этого явно хотела. Да и ты вместе с ней. Может, это просто веник нагнал крови к нужному месту? Неет, это не было чисто механическое возбуждение – она этого ждала, с замиранием сердца ждала, каждого шлепа. У нее не только между ног все замирало, но и в душе поднималось тепло. Но было же больно. Да, кожа на заднице до сих пор горит. Что за хрень такая, откуда это берется. Захер-Мазоха что ли почитать. Да ты ж смотрел «Венеру в мехах» Полански*

недавно. И что, ничего он не объясняет. Просто это откуда-то появляется, и все. Вот и используй это. С Белкой? Может, и с Белкой. И в бизнесе. Ты продаешь желания, и твой набор не полон – добавь еще это. Ладно, попробуем. Он достал файл из почты в ноутбуке, сохранил как *banya_venik_orgasm.erес* и выложил к себе на сайт в подраздел *Female orgasm*.

Из комнаты раздался голос *Zazie* – звонила Белка. Михаил прыжками добрался до дивана, схватил телефон и нажал «ответить».

– Привет, Бельчонок.

– Привет, Мишка. Встал уже?

– Давно.

– А шторы как?

– Висят.

– А что делаешь?

– Работаю немножко. А ты?

– Ой, у нас тут так интересно! Вольдемар Арнольдович столько всего рассказывал!

– Про что.

– Нууу... про всяко-разное. Про сексуальную организацию мужчин и женщин. Про Крафта Эбинга – аж стыдно слушать было! А еще он потом на перерыве сказал, что я симпатичная ведьмочка.

– Вольдемар Арнольдович?! Ведьмочка?!!!

– Ну да...

– Может, он тебя и на шабаш сразу пригласил?!

– На куда?

– На потрахаться. В бане.

– Дурак ты, Мишка! Он совсем не такой!

– Не такой, говоришь?! Это мы щас посмотрим, какой он такой!

– Мииишка!

Михаил нажал «отбой», сунул телефон в карман, заскочил в кухню за сигаретами, глянул на экран ноутбука – файл *banya_venik_orgasm.erес* купили уже семнадцать человек. *Ну, будет тебе щас баня!* Он выключил ноутбук и выскочил из квартиры. На перекрестке у дома он одновременно попытался поднять руку, чтобы остановить машину, и прикурить. Телефон в кармане зудел вызовом, в голове бухало. Возле него остановилась пошарпанная «лада».

– Курить можно?

– Да на здоровье!

– Ну, давай в райбольницу.

На стоянке у больницы Михаил выбросил уже третью сигарету, бегом поднялся по ступенькам, пересек холл и через три ступеньки поднялся на второй этаж. *Так, где ж тут был этот главврач-то.* Он быстро двинул вправо и чуть не влетел головой в открывшуюся дверь – из нее выходила черноволосая женщина в белом халате.

– Михаил! Здравствуйте! На Вас лица нет. Вы заболели?

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. Я здоров. Как бык. Перед корридой.

– А что же Вас к нам привело?

– Привело. Дело одно. Вы Вольдемара Арнольдовича не видели?

– А кто это?

– Как кто?! Главврач ваш.

– Да что Вы, Михаил. Нашего главного зовут Вячеслав Иванович.

– Ладно. А Вольдемар Арнольдович тогда кто?!

– Да понятия не имею! У нас таких и нет, я точно знаю – такое имя я бы запомнила.

– Вот мать! Простите. А Белка?

– Бэла? Так она же с сегодняшнего дня на сессии. Она Вам разве не говорила?

– У, блин, забыл! А сессия у них где? Не в «Лесных озерах» часом?

Женщина взяла Михаила за запястье и положила палец на вену.

– Что это с Вами, Михаил? У Вас пульс сумасшедший. Давайте зайдем ко мне в кабинет.

– Да мне надо бежать, времени нет совсем!

– Идемте, идемте. Так Вы никуда не добегите. А может и не надо Вам никуда бежать. Идемте. Что там у Вас стряслось? – Анна Сергеевна твердо взяла Михаила под руку и завела в кабинет, но и там не выпустила, а подвела к самому столу и почти насильно усадила. Сбоку стоял еще один стул, она села на него.

– Да понимаете, эта Белка... эта...

– А, понятно. Ничего там страшного нет, я уверена. Давайте я Вам давление измерю – Вы вон весь красный, как после бани.

– Откуда Вы знаете... что нет?

Анна Сергеевна взяла аппарат для измерения давления, закатала рукав на правой руке Михаила и надела ему манжету.

– Знаю, знаю. Кладите руку сюда, ровно держите.

Они сидели наискосок друг от друга, правая рука Михаила слегка свешивалась со стола со стороны доктора; Анна Сергеевна придвинулась вперед, закрепляя манжету, и ее левая грудь улеглась точно ему в ладонь – пальцы его инстинктивно сжались, диким усилием воли он их остановил, но руку деть было абсолютно некуда.

– Не дергайтесь. Все хорошо. Нет, не все: сто на сто шестьдесят. В Вашем возрасте это очень много.

Михаил сквозь ткань халата ощущал кончиками пальцев выпуклый рисунок бюстгальтера Анны Сергеевны и не мог оторвать глаз от декольте, открывавшего почти наполовину смуглые холмы, меж которыми улегся крестик с гранатами – они призывно вспыхивали темно-красными бликами, хотя сами были почти черными. Женщина не меняла позу, и Михаил никак не мог понять, произошло ли это случайно или она сделала это намеренно и что ему нужно сделать. *Ох, не нужно тебе этого делать, Майкл. Знаю, что не нужно, но она ж сама тебе ее в руку уложила. Зачем-то она это сделала, что-то она хочет. И какого черта – у нее муж. И любовник. Ты-то ей на хрен сдался. Господи, сидел бы ты лучше дома. Это Белка все виновата, со своей ведьмочкой. По заднице получит обязательно.*

Анна Сергеевна наконец закончила измерять давление, сняла манжету, встала и подошла к Михаилу, слегка коснувшись коленом его ноги, расширила ему пальцами веки, наклонилась и заглянула в каждый глаз по отдельности. Как левый, так и правый его глаз смотрели в полукруглый вырез халата доктора, пульс совсем не хотел утихать, еще и zipper намекнул, что никак не может в таких условиях работать и что вообще, пора, наконец, в отгул.

– Покажите язык.

– Вам?!

– Нет, Папе римскому. Открывайте рот. Так. Курите много. Вставайте, раздевайтесь и прилягте на кушетку.

– Совсем раздеваться?!

– Нет, хватит и рубашки. Да нет же, ложитесь на живот. Руки поднимите. Не напрягайтесь так. Я Вам сделаю легкий массаж.

Михаил ощутил на своих плечах пальцы Анны Сергеевны и закрыл глаза. Напряжение уходило, его окружил сладковато-пряный запах духов, круговерть в голове потихоньку улеглась, и он вспомнил, как они с Белкой «готовились к сессии» в этом здании пару месяцев назад, ночью, и чем это кончилось в кабинете главврача. На него напала неудержимая эрекция.

– Поворачивайтесь, полежите пару минут. Лучше Вам?

– Да. Совсем хорошо. Только вот...

– Да ничего там страшного нет, я уверена. Ну покрутила хвостом девчонка. Она же еще очень молода. Ей это надо. Это в женской природе – хотеть нравиться всем. А Вы кинулись морду бить Арчибальду Вольдемаровичу.

– Жаль, что он не здесь работает. Вы не знаете случайно, кто это такой?

– Да бросьте, Миша. Можно я Вас так буду называть?

– Да пожалуйста. Я бы и бросил. Если бы знал точно, что у нее в голове.

– Все у нее в порядке в голове. Она знает, как о Вас восторженно рассказывает. Успокойтесь. Вы и не представляете себе, что может быть в голове у женщины. А у Бэлы в голове Вы. Вам совершенно нечего опасаться.

– Правда?

– Абсолютно.

– А что еще может быть в голове у женщины?

– Зачем Вам это?

– Я же должен знать, чего еще ждать.

– Ничего никогда не ждите, Миша. Все, что Вам суждено, само Вас найдет.

– Ну да, найдет. Может, меня кирпич с крыши найдет. Так хоть шлем надеть.

– Я чувствую, что если Вы сейчас уйдете, то побежите искать этот самый кирпич. И тогда он Вас точно найдет.

– Так что же делать?

– У меня сегодня уже нет приема. Давайте поедем куда-нибудь, чаю выпьем, посидим. Хоть и ко мне. Вы какой любите?

– К Вам? Домой?!

– Ну да. Вас что-то пугает?

– Нууу... а вдруг я разобью чашку из Вашей «мадонны»?

– Это не страшно, Миша. По сравнению с разбитой жизнью, одна чашка совсем ничего не значит.

– Это у Вас жизнь разбита?

– Вам понравилось здесь лежать? Вы остаетесь или...

– Ладно. Попьем чаю. Только не долго.

– Вот и хорошо. Спасибо.

– Что Вы, Анна Сергеевна. Это Вам спасибо.

Михаил вышел из больницы, закурил и достал телефон: три пропущенных вызова от Белки. *Не буду перезванивать. Все равно получит. По полной программе.* Он дошел до стоянки и остановился у красного «рено». Минут через пять появилась Анна Сергеевна: на ней была узкая черная юбка, обтягивающая роскошные бедра, блузка цвета бургундского вина и замшевые вишневые туфли на каблуке. Она достала из сумочки ключи, нажала кнопку сигнализации, та квакнула.

– Поехали?

В машине они молчали, только легкая музыка наполняла салон, да запах духов Анны Сергеевны не давал Михаилу расслабиться. Его правая рука еще хранила ощущение округлой мягкой тяжести, голова помимо воли слегка поворачивалась влево, и взгляд тормозил на колене, выглядывающем из-под юбки. *Куда-то ты едешь, Майкл? Чую – куда-то не туда. Хоть бери да выскакивай.*

Перед дверью квартиры Анна Сергеевна достала из сумки ключи, открыла замок и пропустила Михаила вперед.

– Заходите, Миша, сюда. Присаживайтесь. Посмотрите телевизор пока, я скоро.

Михаил уселся на кожаный диван болотного цвета, взял пульт, нашел MTV и откинулся на спинку. Где-то засвистел чайник, и минут через десять в комнату вошла Анна Сергеевна с подносом в руках и поставила его на столик у дивана. Михаил открыл рот, собираясь что-то

сказать, но ничего не сказал и забыл закрыть рот. На подносе стоял немецкий чайный сервиз, на Анне Сергеевне было надето красное велюровое платье, оставившее открытыми все плечи и большую часть груди: оно слегка не доходило до колен, слева его рассекал разрез до основания бедра – в нем была видна ажурная резинка черных чулок, с тыльной стороны на них был рисунок шнуровки, заканчивались они черными лаковыми туфлями на шпильке.

– Вы в театр собираетесь? – наконец выдавил он из себя.

– Нет, просто я купила новое платье, а надеть некуда – никто еще не видел. Вы первый. Как оно Вам? Можно носить?

– Оно просто аху... ахре... абалденное! Вы в нем как королева.

– Спасибо, Миша, – Анна Сергеевна села на диван рядом с Михаилом, положила левую ногу на правую – платье разошлось разрезанным арбузом и вонзило в Михаила колено в черном шелке чулка, – женщине нужно это слышать. И Белке Вашей нужно. Вы ей часто комплименты говорите?

– Нууу... не знаю. Говорю.

– Когда последний раз говорили?

– Последний? Говорил... не помню.

– Вот видите. А ей это нужно каждый день. Как воздух.

– Я ей сладости покупаю. Каждый день.

– И молодец. Но это нужно ей больше, чем шоколад, – Анна Сергеевна привстала, наклонилась так, что грудь обнажилась почти вся, и налила чай в чашки, – Вам сколько сахара?

– Три. Нет, две. Давайте одну.

– Пробуйте. Это мой микс.

Михаил поднес чашку к носу – цейлонский аромат проник в ноздри, за ним шел запах мяты и чего-то еще. Он попробовал чай, рука дрожала, и, опасаясь за фарфор, он поставил чашку.

– Замечательно вкусный чай. Дадите рецепт Вашего микса?

– Нет, Миша. Может быть, Вам когда-нибудь захочется еще попробовать – придете ко мне. Придете?

– Не знаю, Анна Сергеевна. Странно все это как-то.

– Что странно?

– Ну вот это – как мы с Вами сидим тут.

– Ну сидим, чай пьем. Разговариваем. Беседуем. О книгах давайте поговорим. Или о кино. Вы читаете что-нибудь?

– Читаю.

– А кого?

– Вот Пелевин новый вышел – уже начал.

– А чем Вас привлекает Пелевин?

– Своим субъективным идеализмом: у него везде – какой мир ты себе нарисуеть, в таком и будешь жить.

– Так Вы немножко учились, я смотрю.

– Да, три года, на историческом.

– Вас интересует политика?

– Нет, политика меня совершенно не интересует – после Пелевина. Сплошное манипулирование сознанием. Я сам себе манипулятор.

– А что?

– Древняя история – Греция, Рим.

– Цезарь?

– И Цезарь. Тиберий. Калигула. Нерон.

– Хорошая компания. Вам нравится Калигула, этот сексуальный маньяк?

- Это мой любимый фильм.
- Но в фильме это же Малькольм МакДауэлл, а не Калигула.
- Да, но Клеопатра, в общем, была некрасивой женщиной. Для нас Клеопатра – Элизабет Тейлор. Вы, кстати, на нее чем-то похожи. Плечами и... гру... губами.
- Правда? Спасибо. Видите, какая у нас интересная беседа. А Вы боялись. Боялись же, скажите правду.
- Боялся. Я не знал, как это будет.
- А Вам надо все знать наперед? Чтобы шлем надеть? Вы не любите спонтанность?
- Ну почему же. Но я не люблю на рыбалке вместо карпа увидеть в воде крокодила. Я люблю игру. В бисер. Но правила устанавливаю я сам.
- А у Вас острый язык.
- Есть немного. Вы не обиделись?
- Нет. Я ценю интересное сравнение. А чем Вам нравится Калигула?
- Я не могу сказать, что он мне как-то особенно нравится. Это трагедия. МакДауэлл его прекрасно сыграл – виден живой человек сквозь маску кровавого тирана и маньяка.
- Трагедия? Как интересно. Это была трагедия римского народа. При чем тут Калигула? Для него это был праздник.
- Нет. Народ имеет таких правителей, каких заслуживает. Так ему и надо. Это трагедия абсолютной власти, вседозволенности, трагедия достижения предела желаний.
- Я никогда об этом так не думала. Вы думаете, у желаний есть предел?
- У всего есть предел. Я не верю в бесконечность.
- Наверно, Вы правы. Дефицит желаний – ужасная вещь.
- У Вас нет желаний? Никаких? Я не поверю.
- Вот смотрите: дети любят конфеты, потом они вырастают – не едят же они конфеты три раза в день. Все приедается.
- Да, но тогда на сцену выходит экзотическая кухня.
- Но количество рецептов конечно.
- Вы любите готовить?
- Любила. Даже простой борщ для любимого человека – поэма.
- Вы что-то говорили о разбитой жизни. Не хотите рассказать? Пока я не разбил чашку.
- Почему бы и нет. История моя банальна: двадцать лет брака, вылившиеся в полное равнодушие. Осталось только соблюдение приличий. Желания умерли сами собой. Для женщины хуже этого ничего нет. Отсюда любовники. Некоторое разнообразие. Потом однообразие.
- А можно про смерть желаний поподробней.
- Не знаю даже, как Вам объяснить. Я еще вызываю у мужчин желание, хотя мне осталось недолго. Но меня это как-то все меньше радует. Не возбуждают меня их дурацкие желания – одинаковые у всех. Как-то наш интеллектуальный разговор перешел в откровенный – Вы не пугайтесь, Миша, – так мало людей, с которыми хочется поговорить.
- А что Вас возбуждает? Извините. Можете не говорить.
- Не к чему извиняться – это я Вас вызвала на разговор. Вы же думали: Ну что она от меня хочет. Думали?
- Думал.
- И что надумали? Что я хочу уложить Вас в постель?
- Если бы это было Вашей целью – уже давно попытались бы. Хотя, может быть, Вы любите помедленнее. Сам процесс передвижения в спальню. Хочу Вам напомнить, что у меня Белка.
- Я помню, Миша. Обещаю, что не буду «тащить» Вас в постель.
- Тогда что? Я не верю, что мы здесь для простого чаепития.
- Вы проницательны. Хотя с Вами интересно и просто поговорить.

– А что входит в «не просто»?

– Вот знаете, французы – известные гурманы. Я как-то видела гастрономическую передачу, так там был салат – из анютиных глазок.

– И где же... глазки?

– Я хочу, чтобы Вы на меня посмотрели. Согласны? Хотите?

– Да я и так... уже...

– Нет. Не так, – Анна Сергеевна взяла в руки пульт, переключила телевизор на медиаплеер, поискала нужный файл, нажала «плей», – я подержу Вас за запястье, хорошо, Миша?

– Хо... ро...

На LCD-экране телевизора возникло дергающееся изображение – камеру навели на двуспальную кровать и закрепили на штативе. В центре кровати лежала женщина, одетая в черные чулки и красные туфли, на глазах у нее была черная бархатная повязка, больше ничего не было. Руки ее были подняты и заложены за голову, груди смотрели в потолок, колени согнуты и сдвинуты, она ими неспешно двигала в ритме старинных часов. Михаил быстро повернулся налево – Анна Сергеевна смотрела прямо на него, пальцы ее правой руки лежали на вене его левого запястья. Пульс его забился в ритме африканских барабанов. *Господи, хоть бы zipper выдержал.* Он вернул взгляд к телевизору. Слева к изголовью кровати подошел мужчина, он был одет в брюки и рубашку, в руке у него была роза на длинном стебле. Он склонился к женщине, провел бутон по ее губам, по шее, между грудями и по соскам. Потом положил розу женщине на живот и взялся руками за ее колени; она немного посопротивлялась, но позволила раздвинуть себе ноги. Михаил судорожно глотнул. Мужчина взял розу и повел ею по животу вниз, дошел до черного треугольника волос, медленно вернул бутон розы наверх и проделал это несколько раз. Женщина задышала глубже, она уже не сдвигала ноги, поднимала живот навстречу цветку. Тогда мужчина повернул стебель и коснулся шипом коричневого соска – женщина вздрогнула. Теперь по ее коже бродили шипы, она дергалась и непроизвольно выгибала спину. Когда шип добрался до вершины треугольника, она заметно напряглась, потом бедра ее резко поднялись, она опустила руки, отбросила розу, сжала ноги, перевернулась на бок и свернулась калачиком, спрятав ладони между бедер. Мужчина вернулся к камере, экран погас. Михаил забрал свою руку, повернулся – Анна Сергеевна пристально глядявалась ему в глаза.

– И в чем для Вас кайф? Сейчас? Вы эксгибиционистка? Или Вам уже мало розы – нужны шипы?

– В Вашем пульсе, Миша. Я так никогда раньше не делала, это был эксперимент. Я получила огромное удовольствие, спасибо. Выпейте чаю.

– Мне нужно покурить.

– Конечно. Вы не сердитесь?

– Нет. Я сам люблю эксперименты. Только хочу понимать их механизм.

– Спрашивайте.

– Что Вас так возбудило?

– Ваша реакция, прежде всего.

– А еще?

– Момент переступления порога – внутри себя. На это ведь еще надо было решиться. Я ведь Вас почти не знаю.

– Да, это как с парашютом прыгнуть.

– Никогда не пробовала, но, наверное, похоже.

– Шаг к свободе. К жизни. Или смерти.

– Точно. У Вас удивительно точные формулировки.

– И Вы совсем не боялись? Перед этим. Когда нажимали кнопку пульта.

– А Вы прыгали с парашютом?

- Да.
- И не боялись?
- Боялся. Но перебороть свой страх, прыгнуть – это просто улетный кайф.
- Ну вот, Вы сами себе и ответили.
- Жаль. Лучше бы Вы рассказали. Ладно, пойду покурю.

– На балконе, если не возражаете. Вернетесь – я буду в той комнате, – Анна Сергеевна махнула рукой в сторону закрытой двери, которая была видна через холл. Михаил вышел на балкон, закурил. *Что за дрянь!* Сигарета горела, подоженная с фильтра, он выбросил ее и закурил новую. *Ну и кино ты сегодня посмотрел. Аж крыша едет. И так все пристойно сначала было. Чай. А потом так непристойно. Так только в кино бывает. Торч до сих пор не прошел. Какая удивительная женщина. Редкая. Черт, даже жаль...* Он докурил, вернулся в комнату, хлебнул холодного чая, оглядел комнату и вспомнил, что Анна Сергеевна ушла в другую. Он пересек холл, повернул бронзовую дверную ручку, вошел и остолбенел.

Перед ним возник интерьер спальни с широкой кроватью с высокой спинкой, состоящей из золоченых трубок, она была застелена алым шелковым покрывалом, на котором лежала Анна Сергеевна: платья на ней уже не было, его заменил черный атласный корсаж с красной оторочкой, полностью открывающий грудь; черные чулки и туфли остались. Она опиралась плечами на подушки и закрывала груди ладонями.

- Хотите на них посмотреть?
- Вы и сами это знаете, зачем Вы спрашиваете.
- Я хочу, чтобы Вы это сказали.
- Нет. Я же Вам сказал: у меня Белка.
- Я Вас и не зову в постель. Не хотите говорить – сделайте для меня одну вещь.
- Какую?

Анна Сергеевна отняла руки от груди, повернулась и коснулась пальцами блестящих наручников, которые свисали с крайних трубок спинки кровати, – наручники зазвенели, Михаил аж застонал, но стиснул зубы.

- Пристегните меня. Пожалуйста.
- Зачем это Вам?

– Хочу так просто полежать. А Вы постоите. Или посидите рядом. Посмотрите на меня. Такое во мне возникло желание. Новое. Это так редко бывает. Прошу Вас. Что Вам стоит – Вы меня уже видели. Это ведь не измена. Ключи вот, на тумбочке.

- Эксперимент? Опять?
- Да.

Михаил подошел к левой тумбочке, наклонился, вставил запястье Анны Сергеевны в кольцо наручника и защелкнул его, потом обошел кровать и так же пристегнул левую руку, зачем-то посмотрел на свои часы. *Ладно, будет тебе эксперимент.* Он снял свои часы и застегнул их на запястье женщины, достал смартфон, поднял EMORecorder и включил запись.

– Зачем мне Ваши часы? Каждая секунда и так проходит сквозь меня как стрела. Вы что, хотите меня заснять? Фото на память? Или видео?

Жар залил голову Михаила, рука с телефоном дрожала.

- А Вы? Вы хотите этого?

– Наверное... да. Я об этом не думала... но сейчас захотела. Только что. Когда Вы достали телефон.

- А если я выложу видео в инет?
- Нет, Миша, не выложите.
- Почему?
- У Вас же такой... опыт... впервые?
- Ну да.

- Ну вот. Вы его оставите себе. И никому не покажете.
- Может быть. Но есть ведь вероятность...
- Есть. И это очень возбуждает. И будет возбуждать потом. Долго.
- Чем?

– В неизвестности всегда таится риск, опасность, а это возбуждает. Я сейчас Вам отдаю себя. Это в природе женщины – отдавать. Это необычайно приятно, Вы не можете это понять. Вы сейчас можете сделать со мной все, что хотите. Но не будете. Я так и думала. Но запись Вы включите. Вы ее заберете с собой, будете смотреть, Вы не можете от этого отказаться. Вы хотите этого. Вы хотите меня, и не спорьте. Вы хотите, чтобы я была у Вас в телефоне – вот такая... как сейчас. Вас возбуждает потенциальная возможность. И меня тоже. Не возражайте мне. У Вас дрожат руки. Снимайте уже.

Вот так кино, блин. Ты сегодня прямо Тинто Брасс, Майкл. Это тебе уже не на LCD ее видеть, от нее прямо жар пьшет, всего-то метр до нее, руку протяни... Михаил вытер пот на лбу, открыл на смартфоне камеру и нажал красный кружок – на экране появилась Анна Сергеевна, она подвигала плечами, попыталась высвободить руки, вытянула ноги, согнула их в коленях и развела в стороны, потом опять сдвинула. *Твою ж мать! Хоть бы батарейка не сдохла!* Он включил зум и обследовал все части тела женщины, медленно двигая телефоном. Анна Сергеевна следила за движением камеры, двигала ногами, то открывая, то пряча пушистый Бермудский треугольник; поиграв так с минуту, она широко раздвинула ноги, глаза ее не отрывались от лица Михаила. Он мог различить каждый волосок на ее атласной коже. Два красных кружка мигали в низу экрана смартфона: EMORecorder и камера бесстрастно делали свое дело. *Ты ж хотел совместить два файла в один, сделать видео с записью эмоций, вот тебе и материал для работы, вот и будет первый шедевр, первый блокбастер. Черт, но ты же никому это не покажешь, она права, запрешь в сундук и закопаешь под дубом на необитаемом острове. Но сама мысль, что он там есть, будет греть тебя. Господи, не урони телефон, сил нет, руки дрожат.*

Михаил оторвался от экрана и посмотрел на Анну Сергеевну – грудь ее ритмично поднималась.

- Мне пора уже, Анна Сергеевна, я пошел.
- Уже? Так быстро? Мне так жаль. Расстегните меня тогда.
- Муж расстегнет. Я спешу, – он развернулся и пошел прочь из спальни.
- Миииша!!! Что Вы! Ну подождите! Не уходите!

Михаил прикрыл за собой дверь, пересек холл, открыл английский замок и хлопнул дверью, потом досчитал до шестидесяти, глядя на мигающий кружок Эморекса, и вернулся в спальню.

- Ну что – Вы удовлетворены?
- Боже, Миша! Это было ужасно! Так неожиданно, так остро! Как будто Вы мне туда, – она повела глазами в низ живота, – вставили перец, длинный красный перец. Это было просто восхитительно! Я Вам так благодарна!
- Так что – закончим?
- Ну подождите. Еще немножко, прошу Вас! Я еще не всё.
- Что еще?
- Я думаю, Вам это тоже будет интересно. Мы с Вами очень похожи в чем-то. Я хочу Вас попросить еще об одной вещи.
- Какой вещи?
- Видите – комод. Откройте верхний ящик. Только не пугайтесь.

Михаил развернулся, увидел комод с двумя бронзовыми канделябрами и зеркалом над ним, подошел к нему и открыл ящик. *Ёнсель-монсель, это же весь наш раздел Love gadget!* В ящике лежали фаллоимитаторы разных цветов и размеров, металлические зажимы для сосков

на блестящей цепочке, а в центре развалилась длинная плеть, состоящая из множества кожаных ремешков.

Он вспомнил стебель розы с шипами в недавно виденной записи, взял в руку плеть и покрутил ею в воздухе.

– Вы этого хотите? Серьезно?

– Да.

– Я не могу бить женщину.

– Вы и не будете меня бить. Отнеситесь к этому как к медицинской процедуре. Это будет такой массаж. Я ведь Вам делала.

– Массаж, говорите.

– Да. Ну пожалуйста!

Господи, ну разве можно от этого отказаться... когда такая женщина... так лежит... и так просит... Прости меня, Господи. Михаил подошел к кровати и легонько поквещал кончиками ремешков по роскошной груди Анны Сергеевны. Сердце его бухало, пот стекал по вискам.

– Не бойтесь! Сильнее!

Тогда он слегка крутанул плетью и опустил ее хвост на правую грудь женщины – она вздрогнула и судорожно вздохнула. *Ну ладно, хочешь – на тебе массаж.* Он несильно вертел в воздухе плеть и опускал ее на кожу Анны Сергеевны: на грудь, живот, бедра. Она дергалась, выгибала спину, охала и потом улыбалась; когда плеть дошла до низа ее живота, она широко раздвинула ноги и посмотрела на Михаила.

– И там?!!!

– Да.

Михаил глянул на экран смартфона – у батарейки светило одно деление, но оба красных кружка записи мигали. Он легонько махнул плетью и опустил ее между ног женщины – бедра ее судорожно сдвинулись.

– Еще! – Анна Сергеевна опять широко развела ноги, – сильнее!

Михаил вертанул плеть и направил кончик ее хвоста в устье Бермудского треугольника, женщина вскрикнула, сжала ноги, засучила ими по покрывалу так, что слетели туфли, цепочки наручников зазвенели; она повернула колени вправо и почти перевернулась на живот, на экране смартфона появились роскошные ягодички, ноги опять раздвинулись – он взмахнул плетью и от души опустил ее вниз.

Даже приятно было, кто бы мог подумать, а, Майкл. Тебе ведь было приятно лупасить ее плеткой, сукин ты кот. Признайся. Так ты и во вкус войдешь. Не, ну ты шо. Никада! И что же это, что это с тобой было. Да все очень просто: ты доставил женщине удовольствие, которое она хотела получить, и ее наслаждение передалось тебе. А ей точно было хорошо? Да ты что – она кончила только-что – прямо в твой Эморек, прямо в камеру – чтобы ты потом не сомневался, что такое возможно. И она хотела, чтобы ты с ней это сделал. И записал. И унес собой. А она еще говорит про смерть желаний! Ну и женщина! Просто пи...ц!

Анна Сергеевна перестала вздрагивать и стонать, постепенно затихла, развернулась на спину, сдвинула ноги и вытянулась, выдохнула и посмотрела на Михаила.

– Я даже не помню, когда мне было так хорошо.

– Правда?

– Да, Михаил. Благодарю Вас. Расстегнете меня теперь? Уже все.

Михаил взял с тумбочки ключ, отстегнул правый наручник, обошел кровать, отстегнул левый и снял с запястья женщины свои часы, потом остановил запись. Анна Сергеевна поймала левой рукой его запястье и прижала палец к вене.

– Сделайте мне приятно – скажите, что Вам понравилось. Это со мной делать.

– Не скажу.

– Ну и не говорите. И правильно. Помните итальянский фильм – «я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Не все нужно говорить. Мы теперь связаны... цепью.

– Какой?

– Мы знаем друг о друге то, чего не знают другие. У нас есть общая тайна. Я уверена, Вы ее сохраните. И не только у Вас есть – и у меня. Хоть Вы и не хотите это признать. Я знаю, что Вам понравилось. И что у Вас это в первый раз сегодня. Я Вас, в определенном смысле, лишила невинности. Это так приятно – сделать из юноши мужчину. Вы не можете себе представить, как приятно.

– Прощайте, Анна Сергеевна. Спасибо за чай. Замечательный был... микс.

– До свиданья, Михаил. Спасибо Вам за все.

Михаил открыл ключом дверь своей квартиры, разулся: в комнате горел свет, Белка сидела в кресле, держала в руках книжку вверх ногами и смотрела на него.

– Ну Мииишка! Ну ничего не говори!

– Я и молчу.

– Ага, знаю я твое молчу! Щас будешь кричать на меня.

– А не за что?

– Ну я не хотела! Я не буду больше!

– Чего не хотела? Что не будешь?

– Ну ничего не хотела! Я ничего и не делала!

– Хвостом вертела?

– Ну немножко совсем. Не специально. Оно само так вышло!

– Снимай трусы – получишь по заднице.

– Ну Мишутка, ну не надо!

Михаил зашел в комнату, устало опустился на диван и похлопал по колену.

– Ложись сюда.

– Ну мне будет больно!

– А ты как хотела. Давай.

Белка картинно вздохнула, встала с кресла, с гордым видом королевы в изгнании подошла к дивану и, опустив до колен трусики, улеглась животом на колени Михаила. Он поднял подол юбки и положил ладонь на розовую попку, погладил ее и опустил вниз, между ног.

– Нет, Белка, не буду я тебя наказывать.

– Так ты меня совсем не люуубишь?!!

– Вот ты дурында моя любимая, вертихвостка голополая. А чего ты мокрая уже?

– Ну я не знаю, Мишка. Я не виновата. А чего ты мне в живот уперся?

– Ну чего-чего. Целый день руки чесались по заднице тебе надавать. А теперь все в него ушло.

– Так и хорошо. Давай его сюда. Вот, щас я его почешу, приласкаю. Чувствуешь?

– У тебя язык шершавый, Бельчонок.

– Ну и шершавый, и что, ему же нравится, я вижу. Давай, он меня накажет. Давай? Как ты хочешь?

– Давай ты побудешь лошадкой.

– Давай!

Девушка встала, опустилась рядом на колени, подняла юбку и положила руки на диван. Михаил соскользнул с дивана на ковер, запустил левую руку между ног Белки и стал целовать ее спину, опускаясь все ниже, пуская в ход зубы, захватывая ими упругую розовую плоть, потом поднялся, вошел в нее, ухватил за рыжий хвост левой рукой и двинул свои бедра вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.